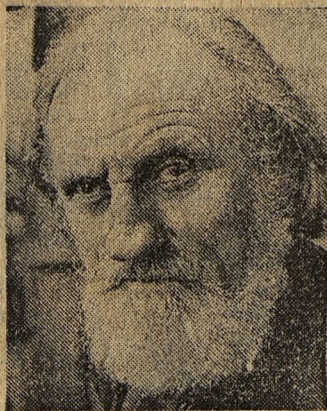

Подвиг у мольберта

В полнеба — зарево, тяжелые облака словно подпалены багровым разливом. Только что туда прошел воинский эшелон. Пожилая железнодорожница держит в руках несколько треугольников, их она отправит в тыл со встречным поездом. Ее сынишка подбирает унававшие на землю письма. «Прифронт-овой полустанок»...

Свою новую работу ленинградский живописец Л. Птицын посвятил празднику Великой Победы. Все это стоит перед его глазами, детская память четко схватила многие приметы той далекой, но незабываемой поры. И нужно видеть, как увлеченно работает у мольберта Леонид Васильевич. Кисть вновь и вновь «возвращается» к полотну, а художник захвачен новым замыслом. Уже сделаны первые наброски. Картина будет называться «Зима 42-го»: всем классом мальчишки пришли в военкомат, рвутся на фронт.

Да, они очень хотели помочь фронту. И Леня Птицын тоже не раз мысленно видел себя идущим в атаку с автоматом в руках. Но по-настоящему боевое дело доверили мальчишкам, когда немцев прогнали с Псковщины.

Война откатилась на запад, а здесь вокруг его родной деревни она все время напоминала о себе: рядом проходила сильно укрепленная оборона гитлеровцев «Пантера» — на каждом шагу брошенное оружие, боеприпасы, минные поля. Трава по пояс, а скотину кормить нечем...

Отобрали самых толковых ребят, организовали что-то вроде краткосрочных курсов. Старый партизан показал, как вести разминирование, и каждый день после уроков бригады юных саперов из шестого класса стага выходить на опасную работу. Семьдесят мин обезвредил Леня Птицын. Семьдесят первая взорвалась у него в руках. Ответил его в Опочку, в тыловой госпиталь, там и лежал в одной палате с ранеными бойцами.

Три сына было у Василия Сергеевича и Ксении Петровны Птицыных. Старшие — Иван и Николай — погибли. Один под Воронежем, другой — защищая Ленинград. Подрастал Леня, а пятнадцатилетний мальчуган в деревне — это уже опора семьи... И вот... Будто грудного кормила мать теперь младшенького с ложки и не могла сдерживать слез, слыша, как он стонет по ночам.

А его укороченные по локоть руки так ждали работы! Он уже все умел: запрячь лошадь, выкосить луговину, наколоть дрова. Но больше всего любил рисовать. В школе оформлял стенгазеты, писал лозунги и плакаты, сделал целую галерею портретов писателей-классиков, очень хорошие получились. Твердо решил: «Буду на художника учиться».

Небольшие раны на лице зажили быстро, левый глаз с тех пор с «отметиной» (видит хуже правого), а вот на перевязку Леня долго ходил, как на казнь. Бинты присыхали, и он просил сестер братья за обе руки сразу — выдержать две перевязки одну за другой просто не хватало сил.

Так осенью сорок четвертого начался поединок деревенского мальчишки со страшной бедой.

Оставшись днем в избе, он долго и безуспешно прилаживался, чтобы взять карандаш. Босой ногой вновь и вновь поднимал его с пола, пытаясь сжать руками и ронять. Бессчетное число раз. Пот заливал глаза, болела спина, ныли руки, которые еще так от-

четливо «помнили» движение каждого пальца. Потянулись месяцы, они сложились в годы, прежде чем Леня Птицын сделал первый шаг навстречу своей мечте.

...Я буду бережно хранить каталог, на котором Леонид Васильевич написал мне несколько слов на память. Сейчас выставка его картин путешествует по Псковщине. Мы подошли к карте, которая висит в мастерской рядом с картинами. С десяток районных центров обведен кружками, здесь уже побывали полотна. И, конечно, не миновали они небольшую деревеньку Кудаверь, там родной дом живописца, до недавнего времени жили отец и мать.

Сюда Птицын приезжает на этюды, и земляки — его первые рецензенты. Именно здесь он написал тонкие и лиричные пейзажи «К весне» и «Холодный день», за которые был удостоен звания лауреата на смотре — конкурсе объединения «Кировский завод». Но наибольшую известность художнику принесли полотна, посвященные Великой Отечественной войне.

Девочка лет пяти стоит на табуретке, заложив за спину ручонки. Что-то поет или декламирует перед ранеными бойцами. С какой нежностью глядят на кроху солдаты, куда-то ушла боль, горькие мысли. Счастливая минута встречи с детством. Картина «В госпиталь» всюду вызвала добрые отзывы.

На третьей республиканской выставке «Советская Россия» Птицын показал полотно «В партизанском крае». И снова — война и дети. Учителница, забко кутающаяся в платок, ведет урок в землянке. Небольшое заледеневшее оконце скупо освещает лица ребят, но все они погружены в работу, и таким интересом светятся их глаза, что невольно забываешь о той обстановке, в которой им приходится заниматься.

Конечно, много личных впечатлений легло в основу этих полотен, сделало их такими правдивыми и эмоциональными...

Да, пережитое не отпускает художника. Птицын — автор картин «Прерванный бал. 22 июня 1941 года», «Встреча на фронтовой дороге» (судьба свела отца и сына в нескольких километрах от передовой). Первой же в этом ряду была дипломная работа, когда Леонид заканчивал Институт имени И. Е. Репина. Называлась она «Вернулся солдат». Свежи были воспоминания об одноклассниках, которым посчастливилось прийти с войны. Застучал топор на пепелище, ложатся один на другой венцы новой избы, шеючет ноздри аромат смолистой шепы.

У отца и матери, израненных войной солдат, вдов, поднимавших по целой ораве ребятшек, учился мужеству будущий художник. И упрямо шел к однажды намеченной цели.

Конечно, во сто крат легче написать эту фразу, нежели хотя бы чуть-чуть представить, как далась Леониду Птицыну высота, которых он достиг. Поехал в Ленинград поступать в художественное училище не пустой, с папкой рисунков. Похвалили, но сказали, что сначала нуж-

Художник вспоминает, как на втором курсе института во время обхода мастерских его учебную работу приметил Борис Владимирович Иогансон (кстати, это был портрет).

— Кто автор? — поинтересовался президент Академии художеств.

И через мгновение обнял студента, а потом все годы учебы следил за его успехами.

...За окном мастерской — ширь Невы, кварталы новостроек на Правобережье, мост имени Володарского. Этот пейзаж и на небольшом холсте рядом с другими набросками, сделанными еще «неустоявшейся» рукой.

— Это Костины работы, — говорит Леонид Васильевич. — Не успел сын шинель снять, сразу за кисть. Будет летом поступать в Репинский. А пейзажи — его стихия. Служил пограничником. Там день у них плотно расписан, и все-таки ухитрялся часок — другой поработать.

Беседуя со мной, художник, крепко сжав кисть руками, что-то подправлял, дописывал. Казалось, мы еще слышали стук колес уходящего поезда, гул далекой канонады. Полотно дышало войной...

Но вот работа окончена, энергичный, резкий в движениях, он увлеченно жестикулирует, подходит к столу, листает журнал, чтобы показать репродукцию, поворачивает картину, стоящую «лицом» к стене, оттачивает затупившийся карандаш, вытирает кисти. На сегодня — все. Художник переодевается, поправляет галстук, причешивает крепко тронутые седыми волосами.

Вот таким я и увидел его впервые на автопортрете, который недавно демонстрировался в экспозиции «Наш Ленинград» в Центральном выставочном зале. Сильный, красивый человек, чей подвиг у мольберта продолжается уже больше сорока лет.

В. ГАНШИН,
корр. ЛЕНТАСС

На снимках: Л. В. Птицын; «Прифронт-овой полустанок».

Фото В. ГОЛУБОВСКОГО

